

Василий Жуковский

Агасфер

Василий Андреевич Жуковский
Агасфер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=211192140101

Василий Андреевич Жуковский Агасфер

Он нес свой крест тяжелый на Голгофу;
Он, всемогущий, вседержитель, был
Как человек измучен; пот и кровь
По бледному его лицу бежали;
Под бременем своим он часто падал,
Вставал с усилием, переводил
Дыхание, потом, шагов немного
Переступив, под ношей снова падал,
И наконец, с померкшими от мук
Очами, он хотел остановиться
У Агасферовых дверей, дабы,
К ним прислонившись, перевесть на миг
Дыханье. Агасфер стоял тогда
В дверях. Его он оттолкнул от них
Безжалостно. С глубоким состраданием
К несчастному, столь чуждому любви,
И сетуя о том, что должен был
Над ним изречь как бог свой приговор,
Он поднял скорбный взгляд на Агасфера
И тихо произнес: "Ты будешь жить,
Пока я не приду",- и удалился.
И наконец он пал под ношею совсем

Без силы. Крест тогда был возложен
На плечи Симона из Кириanei.
И скоро он исчез вдали, и вся толпа
Исчезла вслед за ним; все замолчало
На улице ужасно опустелой.
Народ вокруг Голгофы за стенами
Ерусалимскими столпился. Город
Стал тих, как гроб. Один, оцепенелый,
В дверях своих недвижим Агасфер
Стоял. И долго он стоял, не зная,
Что с ним случилось, чьи были те
Слова, которых каждый звук свинцовой
Буквой в мозг его был вдавлен, и там
Сидел неисторжим, не слышен уху,
Но страшно слышен в глубине души.

Вот наконец, вокруг себя обведши,
Как полусонный, очи, он со страхом
Заметил, что на Мории над храмом
Чернели тучи с запада, с востока,
И с севера, и с юга, в одну густую
Слиявшиеся тьму. Туда упер он
Испуганное око; вдруг крест-накрест
Там молнией разрезалась тьма,
Гром грянул, чудный отзыв в глубине
Святылища отвечивал ему,
Как будто там разорвалась завеса.
Ерусалим затрепетал, и весь

Незапно потемнел, лишенный солнца;
И в этой тьме земля дрожала под ногами;
Из глубины ее был голос, было
Теченье в воздухе бесплотных слышно;
Во мраке образы восставших
Из гроба, вдруг яясь, смотрели
Живым в глаза. Толпами от Голгофы
Бежал народ, был слышен шум
Бегущих; но ужасно каждый про себя
Молчал. Тут Агасфер, в смертельном
страхе,
Очнувшись, неоглядкой побежал
Вслед за толпою от своих дверей,
Не зная сам куда, и в ней исчез.
Тем временем утих Ерусалим.
Во мгле громадой безобразной зданья
Чернели. Жители все затворились
В своих домах, и все тяжелым сном
Заснуло. И вот над этой темной бездной
От туч, их затмевавших, небеса,
Уж полные звездами ночи, стали чисты:
В их глубине была невыразима
Неизглаголанная тишина,
И слуху сердца слышалось там,
Как от звезды к звезде перелетали
Их стражи — ангелы, с невыразимой
Гармонией блаженной, чудной вести. Прямо
Над Элеонскою горой звезда
Денницы подымалась.

Агасфер,
Всю ночь по улицам Ерусалима
Бродив, терзаемый тоской и страхом,
Вдруг очутился за стенами града
Перед Голгофой. На горе пустой,
На чистом небе, ярко три креста
Чернели. У подошвы темной
Горы был вход в пещеру, и великим камнем
Он был задвинут; невдали, как две
Недвижимые тени, в сокрушенье
Две женщины сидели, устремив
Глаза — одна на камень гроба, а другая
На небеса. Увидя их, и камень,
И на горе кресты, затрепетал
Всем телом Агасфер; почудилось ему,
Что грозный камень на него идет,
Чтоб задавить, и, как безумный,
Он побежал ко граду от Голгофы.

Есть остров; он скалою одинокой
Подъемлется из бездны океана;
Вокруг него все пусто: беспредельность
Вод и беспредельность неба.

Когда вода тиха, а небеса
Безоблачны, он кажется тогда
В сиянье дня уединенно-мрачным

Пустынником в лазури беспредельной;
В ночи ж, спокойным морем отраженный
Между звездами, в двух кругом него
Пучинах блещущими, он чернеет,
Как сумрачный отверженец создания.
Когда ж на небе тучи, в море буря
И на него со всех сторон из бездны
Бросятся, как змеи, вихри волн,
А с неба молнии в его бока
Вонзаются, их ребр не сокрушая,
Он кажется, в сем бое недвижимый,
Всемирного хаоса господином.

На западном полнебе знойно солнце
Горело; воздух густо был наполнен
Парами; в них как бы растаяв, солнце
Сливалось с ними, и весь запад неба
И все под ним недвижимое море
Пурпурным янтарем сияли; было
Великое спокойствие в пространстве.
В глубокой думе, руки на груди
Крест-накрест сжав, он, вождь побед
недавно
И страх царей, теперь царей колодник,
Сидел один над бездной на скале,
И на море — которое пред ним
Так было тихо и, весь пламень неба
В себя впивая всей широкой грудью,

Им полное, дыханьем несказанным
Вздыхалося — смотрел. Пред ним широко
Пустыня пламенная расстилалась.
С ожесточеньем безнадежной скорби,
Глубоко врезавшейся в сердце,
С негодованьем силы, вдруг лишенной
Свободы, он смотрел на этот хаос
Сияния, на это с небесами
Слиявшееся море. Там лежал
И самому ему уже незримый мир,
Им быстро созданный и столь же быстро
Погибший; а широкий океан,
Пред ним сиявший, где ничто следов
Величия его не сохранило,
Терзал его обиженную душу
Бесчувственным величием своим,
С каким его в своей темнице влажной
Он запирал. И он с презреньем взоры
От бездны отвратил, и оком мысли
Перелетел в страну минувшей славы.
Там образы великие пред ним,
Сражений тени, призраки триумфов,
Как из-за облак огненные Альпов
Вершины, подымались, а в дали далекой
Звучал потомства неумолчный голос;
И мнилось ему, что на пороге
Иного мира встретить ждут его
Величества всех стран и всех времен.
Но в этот миг, когда воспомянем

В минувшем гордой мыслью он летал, орел
Ширококрылый, от бездны моря быстро
Взлетев на высоту, промчался мимо
Его скалы и в высоте пропал.
Его полетом увлеченный, он
Вскочил, как будто броситься за ним
Желая в беспредельность; воли, воли
Его душа мучительную прелесть
Отчаянно почувствовала всю.
Орел исчез в глубоком небе. Тяжким
Свинцом его полет непритеснимый
На сердце пал ему; весь ужас
Его судьбы, как голова смертельная
Горгоны,
Ему предстал; все привиденья славы
Минувшей вдруг исчезли; и один
Постыдный, может быть и долгий, путь
От тьмы тюремной до могильной, где
Ничтожество; и он затрепетал;
И всю ему проникло душу отвращенье
К себе и к жизни; быстрым шагом к краю
Скалы он подошел и жадном оком
Смотрел на море, и оно его
К себе как будто звало, и к нему
В своих ползущих на скалу волнах
Бесчисленные руки простирало.
И уж его нога почти черту
Между скалой и пустотой воздушной
Переступила...

В этот миг его
Глазам, как будто из земли рожденный,
На западе скалы, огромной тенью
Отрезавшись от пламенного неба,
Явился некто, и необычайный.
Глубоко движущий всю душу голос
Сказал: "Куда, Наполеон!" При этом зове,
Как околдованный, он на краю скалы
Оцепенел: поднятая нога
Сама собой на землю опустилась.
И с робостью, неведомой дотоле,
На подходящего он устремил
Глаза и чувствовал с каким-то странным
Оттолкновеньем всей души, что этот
Пришелец для него и для всего
Создания чужой; но он невольно
Пред ним благоговел, его черты
С непостижимым сердца изумленьем
Рассматривал... К нему шел человек,
В котором все нечеловечье было:
Он был живой, но жизни чужд казался;
Ни старости, ни молодости в чудных
Его чертах не выражалось; все в них было
Давнишнее, когда-то вдруг — подобно
Созданиям допотопным — в камень
Неумирающий и неживущий
Преобращенное; в его глазах
День внешний не сиял, но в них глубоко
Горел какой-то темный свет,

Как зарево далекого сиянья;
Вкруг головы седые волоса
И борода, широкими струями
Грудь покрывавшая, из серебра
Казались вылитыми; лоб
И щеки бледные, как белый мрамор,
Морщинами крест-накрест были
Изрезаны; одежда в складках тяжелых,
Как будто выбитых из меди, с плеч
До пят недвижно падала; и ноги
Его шли по земле, как бы в нее
Не упираясь. — Пришелец, приближась,
На узника скалы вперил свои
Пронзительные очи я сказал:
"Куда ты шел и где б ты был, когда б
Мой голос вовремя тебя не назвал?
Не говорить с тобой сюда пришел я:
Не может быть беседы между нами,
И мыслями меняться нам нельзя;
Я здесь не гость, не друг, не собеседник;
Я здесь один минутный призрак, голос
Без отзыва... Врачом твоей души
Хочу я быть, и перед нею всю
Мою судьбу явлю без покрывала.
В молчанье слушай. Участи моей
Страшнее не было, и нет, и быть
Не может на земле. Богообидчик,
Проклятью преданный, лишенный смерти
И в смерти жизни, вечно по земле

Бродить приговоренный, и всему
Земному чуждый, памятью о прошлом
Терзаемый, и в области живых живой
Мертвец, им страшный и противный,
Не именующий здесь никого
Своим, и что когда любил на свете —
Все переживший, все похоронивший,
Все пережить и все похоронить
Определенный; нет мне на земле
Ни радости, ни траты, ни надежды;
День настает, ночь настает — они
Без смены для меня; жизнь не проходит,
Смерть не проходит; измененья нет
Ни в чем; передо мной некая вечность,
Окаменившая живая время;
И посреди собратий бытия,
Живущих радостно иль скорбно, жизнь
Любящих иль из жизни уводимых
Упокоительной рукою смерти,
На этой братской трапезе созданий
Мне места нет; хожу кругом трапезы
Голодный, жаждущий — меня они
Не замечают; стражду, как никто
И сонный не страдал — мое ж страданье
Для них не было, а вымысел давнишний,
Давно рассказанная детям сказка.
Таков мой жребий. Ты, быть может,
С презреньем спросишь у меня: зачем же
Сюда пришел я, чтоб такой

Безумной басней над тобой ругаться?
Таков мой жребий, говорю, для всех
Вас, близоруких жителей земли;
Но для тебя моей судьбины тайну
Я всю вполне открою... Слушай.

Я — Агасфер; не сказка Агасфер,
Которою кормилица твоя
Тебя в ребячестве пугала; нет!
Я Агасфер живой, с костями, с кровью,
Текущей в жилах, с чувствующим сердцем
И с помнящей минувшее душою.
Я Агасфер — вот исповедь моя.
О нет! язык мой повторить не может
Живым, для слуха внятным словом
Того, что некогда свершилось, что
В проклятие жизнь бедную мою
Преобразило. Имя Агасфер
Тебе сказало все... Нет! в языке
Моем такого слова не найду я,
Чтоб то изобразить, что был я сам,
Что мыслилось, что виделось, что ныло
В моей душе и что в ночах бессонных,
Что в тяжком сне, что в привиденьях,
Пугавших въявь, мне чудилось в те дни,
Которые прошли подобно душным,
Грозою полным дням, когда дыханье
В груди спирается и в страхе ждешь

Удара громового; в дни несказанной
Тоски и трепета, со дня Голгофы
Прошедшие!.. Ерусалим был тих,
Но было то предтишье подходящей
Беды; народ скорбел, и бледность лиц,
Потупленность голов; походки шаткость
И подозрительность суровых взглядов —
Все было знаменьем чего-то, страшно
Постигнувшего всех, чего-то, страшно
Постигнуть всех грозящего; кругом
Ерусалимских стен какой-то мрачный,
Неведомый во граде никому,
Бродил и криком жалобным, на всех
Концах всечасно в граде слышным: "Горе!
От запада и от востока горе!
От севера и от полудня горе!
Ерусалиму горе!" — повторял.
А я из всех людей Ерусалима
Был самый трепетный. В беде всеобщей
Мечталась мне страшнейшая моя:
Чудовище с лицом закрытым, мне
Еще неведомым, но оттого
Стократ ужаснейшим. Что он сказал мне —
Я слов его не постигал значенья:
Но звуки их ни день, ни ночь меня
Не покидали; яростью кипела
Вся внутренность моя против него,
Который ядом слова одного
Так жизнь мою убил; я приговора

Его могуществу не верил; я
Упорствовал обманщика в нем видеть;
Но чувствовал, что я приговорен...
К чему?.. Неведенья ужасный призрак,
Страшилище без образа, везде,
Куда мои глаза ни обращал я,
Стоял передо мной и мучил страхом
Неизглаголаным меня. Против
Обиженного мной и приговор мне
Одним, еще непонятым мной, словом
Изрекшего, и против всех его
Избранников я был неукротимой
Исполнен злобой. А они одни
Между людьми Ерусалима были
Спокойны, светлы, никакой тревогой
Не одержимы: кто встречался в граде
Смиранный видом, светлым взором
Благословляющий, благопристойный
В движениях, в опрятном одеянье.
Без роскоши, уж тот, конечно, был
Слугой Иисуса Назорея; в их
Собраниях вседневно совершалось
О нем воспоминанье; часто, посреди
Ерусалимской смутной жизни, было
Их пенье слышимо; они без страха
В домах, на улицах, на площадях
Благую весть о нем провозглашали.
Весь город злобствовал на них, незлобных;
И эта злоба скоро разразилась

Гонением, тюремным заточеньем
И наконец убийством. Я, как дикий
Зверь, ликовал, когда был перед храмом
Стефан, побитый камнем, замучен;
Когда потом прияли муку два
Иакова — один мечом, другой
С вершины храма сброшенный; когда
Пронесся слух, что Петр был распят в Риме,
А Павел обезглавлен: мнилось мне,
Что в них, свидетелях его, и память
О нем погибнет. Тщетная надежда!
Во мне тоска от страха неизвестной
При Ироде-царе рожденный, видел
Все время Августа; потом три зверя,
Кровавой властью обесславив Рим,
Погибли; властвовал четвертый, Нерон;
Столетие уж на плечах моих лежало;
Вокруг меня четыре поколения
Цвели в одном семействе: сыновья.
И внучата, и внуков внуки в доме
Моем садились за мою трапезу...
Но я со дня того в живом их круге
Все более и боле чужд, и сир,
И нелюдим, и грустен становился;
Я чувствовал, что я ни хил, ни бодр,
Ни стар, ни молод, но что жизнь моя
Железно-мертвую приобрела
Несокрушимость; самому себе.
Среди моих живых детей, и внуков,

И правнуков, казался я надгробным
Камнем, меж их могил стоящим камнем:
И лица их имели страшный цвет
Объятых тленьем трупов. Все уж дети
И все уж внуки были взяты смертью;
И правнуков с невыразимым горем
И бешенством я начал хоронить...

Тем временем час от часу душнее
В Ерусалиме становилось. Зная,
Что будет, все Иисуса Назорея
Избранники покинули убивший
Учителя их город и ушли
За Иордан. Я все, и все сбывалось,
Что предсказал он: Палестина вся
Горела бунтом; легионы Рима
Терзали области ее; и скоро
Приблизился к Ерусалиму час
Его судьбы; то время наступило,
Когда, как он пророчил, "благо будет
Сошедшим в гроб, и горе матерям
С младенцами грудными, горе старцам
И юношам, живущим в граде, горе
Из града не ушедшим в горы девам".
Веспасианов сын извне пути
Из града все загородил, вогнав
Туда насильно мор и голод;
Внутри господствовали буйство, бунт.

Усобица, безвластье, безначалье.
Владычество разбойников, извне
Прикликанных своими на своих.
Вдруг три осады: храма от пришельных
Грабителей, грабителей от града, града
От легионов Тита... Всюду бой;
Первосвященников убийство в храме:
На улицах нестройный крик от страха,
От голода, от муки передсмертной,
От яростной борьбы за кус согнившей
Еды, рев мятежа, разврата песни,
Бесстыдных оргий хохот, стоп голодных
Младенцев, матерей тяжелый вой...
И в высоте над этой бездной динем
Безоблачно пылающее небо,
Зловонную заразу вызывая
Из трупов, в граде и вне града
Разбросанных; в ночи ж, как божий меч,
Звезда беды, своим хвостом всю твердь
Разрезавшая пополам. Ерусалиму
Пророча гибель... И погибнуть весь
Израиль обречен был; отовсюду
Сведенный светлым праздником пасхальным
В Ерусалим, народ был разом предан
На истребленье мстительному Риму.
И все истреблены: убийством, голодом,
В когтях зверей, прибитые к крестам,
В цепях, в изгнание, в рабстве на чужбине.
Погиб господний град — и от создання

Мир не видал погибели подобной.
О, страшно он боролся с смертным часом!
Когда в него, все стены проломив,
Ворвался враг и бросился на храм, —
Народ, в его толпу, из-за ограды
Исторгшись, врезался и, с ней сцепившись.
Вслед за собой ее вовлек в средину
Ограды. Бой ужасный, грудь на грудь,
Тут качался; и, наконец, спасаясь,
Вкруг скинии, во внутренней ограде
Столпились мы, отчаянный, последний
Израиля остаток... Тут увидел
Я несказанное: под святотатной
Рукою скиния открылась, стало
Нам видимо невиданное оку
Дотоль — ковчег завета... В этот миг
Храм запылал, и в скинию пожар
Ворвался... Мы, весь гибнущий Израиль,
И с нами нас губящий враг в единый
Слилися крик, одни завыв от горя,
А те заликовав от торжества
Победы... Вся гора слилася в пламя,
И посреди его, как длинный, гору
Обвивший змей, чернело войско Рима.
И в этот миг все для меня исчезло.
Раздавленный обрушившимся храмом,
Я пал, почувствовав, как череп мой
И кости все мои вдруг сокрушились.
Беспамятство мной овладело... Долго ль

Продлилося оно — не знаю. Я
Пришел в себя, пробившись сквозь какой-то
Невыразимый сон, в котором все
В одно смешалось страданье. Боль
От раздробленья всех костей, и бремя
Меня давивших камней, и дыханья
Запертого тоска, и жар болезни,
И нестерпимая работа жизни,
Развалины разрушенного тела
Восстанавливающей при страшной муке
И голода и жажды — это все
Я совокупно вытерпел в каком-то
Смятенном, судорожном сне, без мысли,
Без памяти и без забвенья, с чувством
Неконченного бытия, которым,
Как тяжелой грезой, вся душа
Была задавлена и трепетала
Всем трепетом отчаянным, какой
Насквозь пронзает заживо зарытых
В могилу. Но меня моя могила
Не удержала; я из-под обломков,
Меня погребших, вышел снова жив
И невредим; разбив меня насмерть,
Меня, ожившего, они извергли,
Как скверну, из своей громады.

Очнувшись, в первый миг я
не постигнул.

Где я. Передо мною подымались
Вершины горные; меж них лежали
Долины, и все они покрыты были
Обломками, как будто бы то место
Град каменный, обрушившись с неба,
Незапно завалил: и там нигде
Не зрелось живого человека —
То был Ерусалим!.. Спокойно солнце
Садилось, и его прощальный блеск,
На высоте Голгофы угасая,
Оттуда мне блеснул в глаза — и я,
Ее увидя, весь затрепетал.
Из этой повсеместной тишины,
Из этой бездны разрушенья снова
Послышалось мне: "Ты будешь жить,
Пока я не приду". Тут в первый раз
Постигнул я вполне свою судьбину.
Я буду жить! я буду жить, пока
Он не придет!.. Как жить?.. Кто он? Когда
Придет?.. И все грядущее мое
Мне выразилось вдруг в остане этом
Погибшего Ерусалима: там
На камне камня не осталось; там
Мое минувшее исчезло все;
Все, жившее со мной, убито; там
Ничто уж для меня не оживет
И не родится; жизнь моя вся будет,
Как этот мертвый труп Ерусалима,
И жизнь без смерти. Я в бешенстве завыл

И бешеное произнес на все
Проклятие. Без отзыва мой голос
Раздался глухо над громадой камней,
И все утихло... В этот миг звезда
Вечерняя над высотой Голгофы
Взошла на небо... и невольно,
Сколь мой ни бешенствовал дух, в ее
Сиянье тайную отрады каплю
Я смертоносным питием хулы
И проклинанья выпил; но была то
Лишь тень промчавшегося быстро мига.
Что с одного я испытал мгновенья?
О, как я плакал, как вопил, как дико
Роптал, как злобствовал, как проклинал,
Как ненавидел жизнь, как страстно
Невнемлющую смерть любил? С двойным
Отчаяньем и бешенством слова
Страдальца Иова я повторял:
"Да будет проклят день, когда сказали:
Родился человек; и проклята
Да будет ночь, когда мой первый крик
Послышался; да звезды ей не светят,
Да не взойдет ей день, ей, незапершей
Меня родившую утробу!" А когда я
Вспоминал слова его печали
О том, сколь малодневен человек:
"Как облако уходит он, как цвет
Долинный вянет он, и место, где
Он прежде цвел, не узнает его",—

О! этой жалобе я с горьким плачем
Завидовал... Передо мною все
Рождалось и в час свой умирало;
День умирал в заре вечерней, ночь
В сиянье дня. Сколь мне завидно было,
Когда на небе облако свободно
Летело, таяло и исчезало;
Когда свистящий ветер вдруг смолкал,
Когда с деревьев падал лист; все, в чем
Я видел знамение смерти, было
Мне горькой сладостью; одна лишь смерть —
Смерть, упование не быть, исчезнуть —
Всему, что жило вокруг меня, давала
Томительную прелесть; жизнь же
Всего живущего я ненавидел
И клял, как жизнь проклятую мою...
И с этой злобой на творенье, с диким
Восстаньем всей души против творца
И с несказанной ненавистью против
Распятого, отчаянно пошел я.
Неумирающий, всему живому
Враг, от того погибельного места,
Где мне моей судьбы открылась тайна.

Томимый всеми нуждами земными,
Меня терзавшими, не убивая,
И голодом, и жаждою, и зноем,
И хладом, грозною нуждой влекомый,

Я шел вперед, без воли, без предмета.
И без надежды, где остановиться
Или куда дойти; я не имел
Товарищей: со мною братства люди
Чуждались; я от них гостеприимства
И не встречал и не просил. Как нищий,
Я побирался... Милостыню мне
Давали без вниманья и участия,
Как лепт, который мимоходом
Бросают в кружку для убогих, вовсе
Незнаемых. И с злобой я хватал,
Что было мне бросаемо с презреньем.
Так я сыпучими песками жизни
Тащился с ношею моею, зная,
Что никуда ее не донесу;
И вместе с смертию был у меня
И сон, успокоитель жизни, отнят.
Что днем в моей душе кипело: ярость
На жизнь, богопроклятие, вражда
С людьми, раздор с собою, и вины —
Непризнаваемой, но беспрестанно
Грызущей сердце — боль, то в темноте
Ночной, вокруг изголовья моего
Толпою привидений стоя, сон
От головы измученной моей
Неумолимо отгоняло. Буря
Ночная мне была отрадней тихой,
Украшенной звездами ночи: там,
С мутящим землю бешенством стихий,

Я бешенством души моей сливался.
Здесь каждая звезда из мрака бездны,
Там одинокая меж одиноких,
Подобно ей потерянных в пространстве,
Как бы ругаясь надо мною, мне
Мой жребий повторяла, на меня
С небес вперяя пламенное око.
Так, в исступлении страданья, злобы
И безнадежности, скитался я
Из места в место; все во мне скопилось
В одну мучительную жажду смерти.
"Дай смерть мне! дай мне смерть!" — то
было криком
Моим, и плачем, и молением
Пред каждым бедствием земным, которым
На горькую мне зависть гибли люди.
Кидался в бездну я с стремнины горной:
На дне ее, о камни сокрушенный,
Я оживал по долгой муке. Море в лоно
Свое меня не принимало; пламень
Меня пронзал мучительно насквозь,
Но не сжигал моей проклятой жизни.
Когда к вершинам гор скоплялись тучи
И там кипели молнии, туда
Взбирался я, в надежде там погибнуть;
Но молнии кругом меня вились,
Дробя деревья и утесы: я же
Был пощажен. В моей душе блеснула
Надежда бедная, что — может быть —

В беде всеобщей смерть меня с другими
Скорей, чем одинокого, ошибкой
Возьмет: и с чумными в больнице душевной
Я ложе их делил, их трупы брал
На плечи и, зубами скрежеща
От зависти, в могилу относил:
Напрасно! мной чума пренебрегала.
Я с караваном многолюдным степью
Песчаной Аравийской шел;
Вдруг раскаленное затмилось небо,
И солнце в нем исчезло: вихрь
Песчаный побежал от горизонта
На нас; храпя, в песок уткнули морды
Верблюды, люди пали ниц — я грудь
Подставил пламенному вихрю:
Он задушил меня, но не убил.
Очнувшись, я себя увидел посреди
Разбросанных остовов, на пиру
Орлов, сдирающих с костей обрывки
Истлевших трупов.— В тот ужасный день,
Когда исчез под лавой Геркуланум
И пепел завалил Помпею, я
Природы судорогой страшной был
Обрадован: при стоне и трясеньи
Горы дымящейся, горящей, тучи
Золы и камней и кипучей лавы
Бросающей из треснувшего чрева,
При вое, крике, давке, шуме в бегстве
Толпящихся сквозь пепел, все затмивший,

В котором, ничего не озаряя,
Сверкал невидимый пожар горы.
Отчаянно пробился я к потоку
Всепожирающему лавы: ею
Обхваченный, я, вмиг прожженный, в уголь
Был обращен, и в море,
Гонимый землетрясения силой.
Был вынесен, а морем снова брошен
На брег, на произвол землетрясенью.
То был последний опыт мой насильством
Взять смерть; я стал подобен гробу,
В котором запертой мертвец, оживши
И с криком долго бившись понапрасну,
Чтоб вырваться из душного заклепа.
Вдруг умолкает и последней ждет
Минуты, задыхаясь: так в моем
Несокрушимом теле задыхалась
Отчаянно моя душа. "Всему
Конец: живи, не жди, не веруй, злобствуй
И проклинай; но затвори молчаньем
Уста и замолчи на вечность" — так
Сказал я самому себе...

Но слушай.

Тогда был век Траяна; в Рим
Из областей прибывший император
В Веспасиановом амфитеатре
Кровавые готовил граду игры:

Бой гладиаторов и христиан
Предание зверям на растерзанье.
Пронесся слух, что будет знаменитый
Антиохийской церкви пастырь, старец
Игнатий, льву ливийскому на пищу
В присутствии Траяна предан. Трепет
Неизглаголаный при этом слухе
Меня проник. С народом побежал я
В амфитеатр — и что моим очам
Представилось, когда я с самых верхних
Ступеней обзрел глазами бездну
Людей, там собранных! Сквозь яркий
пурпур
Растянутой над зданьем легкой ткани,
Которую блеск солнца багрянил,
И зданье, и народ, и на высоком
Седалище отсюда зримый кесарь
Казались огненными. В это
Мгновение последний гладиатор,
Народом не прощенный, был зарезан
Своим противником. С окровавленной
Арены мертвый, труп его тащили,
И стала вдруг она пуста. Народ
Умолк и ждал, как будто в страхе, знака
Не подавая нетерпенья. Вдруг
В глубокой этой тишине раздался
Из подземелья львиный рев, и сквозь
Отверзтый вход амфитеатра старец
Игнатий и с ним двенадцать христиан,

Зверям на растерзанье произвольно
С своим епископом себя предавших,
На страшную арену вышли. Старец,
Оборотясь к другим, благословил их,
Ему с молением упавших в ноги;
Потом они, прижав ко груди руки:
"Тебя,— запели тихо, — бога, хвалим,
Тебя едиными устами в смертный
Час исповедуем..." О, это пенье,
В Ерусалиме слышанное мною
На праздничных собраниях христиан
С кипеньем злобы, здесь мою всю душу
Проникнуло незапным вдохновеньем.
Что предо мной открылось в этот миг,
Что вдруг во мне предчувствием чего-то
Невыразимого затрепетало
И как, в амфитеатр ворвавшись, я
Вдруг посреди дотолы ненавистных
Мне христиан там очутился — я
Не знаю. Пенье продолжалось; но
Уж на противной стороне арены
Железная решетка, загремев, упала,
И уж в ее отверстии стоял
С цепей спущенный лев, и озирался...
И вдруг, завидя вдалеке добычу,
Он зарыкал... и вспыхнули глаза,
И грива стала дыбом... Тут вперед
Я кинулся, чтоб старца заслонить
От зверя... Он уже кидался к нам

Прыжками быстрыми через арену;
Но старец, кротко в сторону меня
Рукою отодвинув, мне сказал:
"Должно пшено господнее в зубах
Звериных измолотья, чтоб господним
Быть чистым хлебом; ты же, друг, отселе
Поди в свой путь, смиришь, живи и жди..."
Тут был он львом обхвачен... Но успел
Еще меня перекрестить и взор
Невыразимый от меня на небо
В слезах возвесть, как бы меня ему
Передавая... О, животворящий,
На вечность всю присутственный в душе,
Небесного блаженства полный взгляд!
Могуществом великого мгновенья
Сраженный, я без памяти упал
К ногам терзаемого диким зверем
Святителя; когда ж очнулся, вкруг
Меня в крови разбросанные члены
Погибших я увидел; и усталый
Терзанием лежал, разинув пасть
И быстро грудью жаркою дыша,
Спокойный лев, вперив в меня свои
Пылающие очи. Но когда
Я на ноги поднялся, он вскочил,
И заревел, и в страхе от меня
Стал пятиться, и быстро вдруг
Через арену побежал, и скрылся
В своем заклее. Весь амфитеатр

От восклицаний задрожал, а я
От места крови, плача, удалился,
И из ворот амфитеатра беспреградно
вышел
Что после в оный чудный день случилось.
Не помню я; но в благодатном взгляде,
Которым мученик меня усвоил
В последний час свой небесам, опять
Блеснула светлая звезда, мгновенно
Мне некогда блеснувшая с Голгофы,
В то время безотраднo, а теперь
Как луч спасения. Как будто что-то
Мне говорило, что моя судьба
Переломилась надвое; стремленье
К чему-то не испытанному мною
Глубоко мне втеснилось в грудь, и знаком
Такого измененья было то,
Что проклинание моим устам
Произносить уже противно стало,
Что злоба сердца моего в унылость
Безмолвно-плачущую обратилась.
Что наконец страдания мои
Незапная отрада посетила:
Хотя еще к моей груди усталой.
По-прежнему, во мраке ночи сон
Не прикасался; но уже во тьме
Не ужасы минувшего, как злые
Страшилища, передо мной стояли,
В меня вонзая режущие душу

Глаза; а что-то тихое и мне
Еще неоткровенное, как свежий,
Предутренный благоуханный воздух —
Вливалось в меня и умирало
Мою борьбу с собой. О! этот взгляд!
Он мне напомнил тот прискорбно-кроткий,
С каким был в оный день мой приговор
Произнесен... Но я уже не злобой
Наполнен был при том воспоминанье,
А скорбию раскаянья глубокой
И чувствовал стремленье пасть на землю,
Зарыть лицо во прах и горько плакать.
То были первые минуты тайной.
Будящей душу благодати, первый,
Еще неясно слышный, безответный,
Но усладительный призыв к смиренью
И к покаянью. В языке нет слова,
Чтоб имя дать подобному мгновенью,
Когда с очей души вдруг слепота
Начнет спадать и божий светлый мир
Внутри и вне ее, как из могилы,
Начнет с ней вместе воскресать. Такое
Движение в моей окаменелой
Душе незапно началось... Было
Оно подобно зыби после бури,
Когда нет ветра, небеса светлеют,
А волны долго в диком беспорядке
Бросаются, кипят и стонут. В этой
Борьбе души меж тьмой и светом я

Неодолимое влечение в край
Отечества почувствовал, к горам
Ерусалима — и к брегам желанным
Поплыл я, и корабль мой
Прибила буря к острову Патмосу. Промысл
Господний втайне от меня ту бурю
Послал. Там жил изгнанник, старец
Столетний, Иоанн, благовеститель
Христа и ученик его любимый.
О нем не ведал я: но провиденье
Меня безведомо к нему путем
Великой бури привело, и цепью бури
Корабль наш был прикован к берегам
Скалистым острова, пока со мной
Вполне моя судьба не совершилась.

Скитаясь одиноко, я незапно
Во глубине долины, сокровенной
От странника густою тенью пальм
И кипарисов, встретил там святого
Апостола".

При этом слове пал
На землю Агасфер, и долго он

Лежал недвижим, головой во прахе.
Когда ж он встал, его слезами были
Облиты щеки; а в чертах его
Тысячелетнего лица с глубокой
Печалию, с невыразимо грустной
Любовию была слита молитвы
Неизглаголамная святость. Он
Был в этот миг прекрасен той красюю,
Какой не знает мир. Он продолжал:
"Ни помышлять, ни говорить об этой
встрече
Я не могу иначе, как простершись в прахе,
С тоской раскаянья, в тоске любви,
Проникнутый огнем благодаренья.
Он из кремня души моей упорной
Животворящим словом выбил искру
Всепримиряющего покаяния;
И именем того, кто нам один
Дает надежду, веру и любовь,
Мой страшного отчаянья удел
Преобратил в удел святого мира,
И наконец, когда я, сокрушенный,
Как тот разбойник на кресте, к ногам
Обиженного мной с смиренным сердцем
Упав, воскликнул: "Помяни меня,
Когда во царствие свое приидешь!" —
Он оросил меня водой крещенья,
И на другое утро — о, незаходимый,
О, вечный день для памяти моей —

За утренней звездою солнце тихо
Над морем подымалось на востоке,
Когда он, перед хлебом и перед чашей
Вина со мной простершись, сам вина
и хлеба
Вкусил и мне их дал вкусить, сказав:
"Со страхом божим и с верой, сын мой,
К сим тайнам приступи и причастись
Спасению души в святом Христа
За нас пронзенном теле и Христовой
За нас пролитой крови". И потом
Он долго поучал меня, и мне открыл
Значение моей, на испытанье
Великое приговоренной, жизни,
И наконец перед моими, мраком
Покрытыми, очами приподнял
Покров с грядущего, покров с того,
Что было, есть и будет.

Начинало
Скрываться солнце в тихом лоне моря,
Когда, меня перекрестив, со мною
Святой евангелист простился. Ветер,
Попутный плаванию в Палестину,
Стал дуть: мы поплыли под звездным
небом
Полупрозрачной ночи. Тут впервые
Преображение моей судьбы

Я глубоко почувствовал; впервые,
Уже сто лет меня не посещавший,
Сошел ко мне на вежды сон, и с ним
Давно забытая покоя сладость
Мою проникла грудь. Но этот сон
Был не один страдания ценитель,—
Был ангел, прямо низ летевший с неба.
Все, что пророчески евангелист
Великий чудно говорил мне,
То в образах великих этот сон
Явил очам моей души, и в ней
Те образы, в течение столетий
Не помраченные, час от часу
Живей из облакающей их тайны
Моей душе сияют, перед ней
Неизглаголанно прообразуя
Судьбы грядущие. Корабль наш, ветром
Попутным тихо по водам несомый,
По морю гладкому, не колыхаясь,
Летел, а я непробудимым сном,
Под веяньем полуночной прохлады,
Спал, и во сне стоял передо мной
Евангелист и вдохновенно он
Слова те огненные повторял,
Которыми, беседуя со мною,
Перед моим непосвященным оком
Разоблачал грядущего судьбу;
И каждое пророка слово, в слух мой
Входя, в великий превращалось образ

Перед моим телесным оком. Все,
Что ухо слышало, то зрели очи;
И в слове говорящего со мной
Во сне пророка все передо мной,
И надо мной, на суше, на водах,
И в вышине небес, и в глубине
Земли видений чудных было полно.

Я видел трон, на четырех стоящий
Животных шестокрылых, и на троне
Сидящего с семьёю запечатленной
Печатями великой книгой.
Я видел, как печати с книги агнец
Сорвал, как из печатей тех четыре
Коня исторглись, как страшный всадник,
смерть,
На бледном поскакал коне и как
Пред агнцем все — и небо, и земля,
И все, что в глубине земли, и все,
Что в глубине морей и небеса,
И все тьмы ангелов на небесах —
В единое слилось славохваленье.
Я зрел, как ангел светлый совершил
Двенадцати колен запечатленье
Печатию живого бога: зрел
Семь ангелов с великими, гнев божий,
Беды и казнь гласящими трубами,
И слышал голос: "Время миновалось!"

Я видел, как дракон, губитель древний,
Вслед за женой, двенадцатью звездами
Венчанной, гнался: как жена в пустыню
Спаслася, а ее младенец был
На небо унесен; как началась
Война на небесах и как архангел
Низверг дракона в бездну и его
Всю силу истребил; и как потом
Из моря седмиглавый зверь поднялся;
Как обольщенные им люди бога
Отринули; как в небесах явился
Сын человеческий с серпом; как жатва
Великая свершилась; как на белом
Коне потом, блестящий светлым, белым
Оружием,— себя ж именовал
Он "Слово божие" — явился всадник:
Как вслед за ним шло воинство на белых
Конях, в виссон одеянное чистый,
И как из уст его на казнь людей
Меч острый исходил;
Как от того меча и зверь и рать
Его погибли; как дракон, цепями
Окованный, в пылающую бездну
На тысячу был лет низвергнут; как
Потом на высоте великий белый
Явился трон; как от лица на троне
Сидящего и небо и земля
Бежали, и нигде не обрелось
Им места; как на суд предстало все

Создание; как мертвых возвратили
Земное чрево и морская бездна;
Как разогнулася перед престолом
Господним книга жизни; как последний
Суд по делам для всех был изречен
И как в огонь неугасимый были
Низвержены на вечность смерть и ад.

И новые тогда я небеса
И землю новую узрел и град
Святой, от бога нисходящий, новый
Ерусалим, как чистая невеста
Сияющий, увидел. И раздался,
Услышал я, великий свыше голос:
"Здесь скиния господня, здесь господь
Жить с человеками отныне будет;
Здесь храма нет ему, здесь сам он храм
свой;
Здесь всякую слезу отрет он;
Ни смерти более, ни слез, ни скорби
И никаких страданий и недугов
Не будет здесь, понеже миновалось
Все прежнее и совершилось дело
Господнее. Не нужны здесь ни солнце,
Ни светлость дня, ни ночи темнота,
Ни звезды неба; здесь сияет слава
Господняя, и агнец служит здесь
Светильником, и божие лицо

Спасенные очами видеть будут".
И слышал я, как все небес пространство
Глас наполнял отовсюду говорящий:
"Я бог живой, я Альфа и Омега,
Начало и конец, подходит время".

Такие образы в ту ночь, когда
Я спящий плыл к брегам Святой Земли.
Мой первый сон блаженный озаряли.
Недаром я о том здесь говорю,
Что из Писаний ты без веры знаешь:
Хочу, чтоб ты постиг вполне мой жребий.
Когда пророк святое откровенье
Мне передал своим глаголом дивным,
Во глубине души моей оно
Осталось врезанным; и с той поры
Во тьме моей приговоренной жизни
На казнь скитальца Каина, оно
Звездой грядущего горит; я в нем
Уже теперь надеждою живу,
Хотя еще не уведен из жизни
Рукой меня отвергшей смерти.
Солнце
Всходило в пламени лучей, когда
Меня покинул сон мой; перед нами
На лоне голубого моря темной
Тянулся полосой брег Святой
Земли; одни лишь горы — снеговой

Хермон, Кармил прибрежный, кедрonosны!
Ливан и Элеон из низших гор —
Свои зажженные лучами солнца
Вершины воздвигали. О, с каким
Невыразимым чувством я ступил
На брег земли обетованной, где
Уж не было Израиля! Прошло
Треть века с той поры, как я ее
Покинул. О, что был я в страшный миг
Разлуки с ней, и что потом со мной
Сбылося, и каким я возвратился
В страну моих отцов! Я был подобен
Колоднику, который на свободе
В ту заглянул тюрьму, где много лет
Лежал в цепях, где все, кого на свете
Знал и любил, с ним вместе запертые,
В его глазах погибли; где каждый день
Его терзали пыткой палачи,
И с ними самый яростный из всех
Палач — обремененное ужасной
Виной, бунтующее против жизни
И бога — собственное сердце. Я
Не помню, что во мне сильнее было —
Ужасная о прошлой пытке память.
Безлюдною странною окруженный,
Где царствовал опустошенья ужас,
Достигнул я Ерусалима. Он
Громадой черных от пожара камней,
Как мертвый труп, иссеченный в куски,

Моим очам явился, вдвое страшный
Своею мрачностью в сиянье тихом
Безоблачного неба. И случилось
То в самый праздник Пасхи; но его
Не праздновал никто: в Ерусалиме
Не смел народ на праздник свой великий
Сходиться. К бывшему пробравшись
Святылищу, узнал я с содроганьем
То место, где паденьем храма я,
Раздавленный, был смертью отвергнут.
Вдруг, посреди безмолвия развалин,
В мой слух чуть слышно шепчущее пенье
Проникло: меж обломков я увидел
Простертых на землю немногих старцев,
И женщин, и детей — остаток бедный
Израиля. Они, рыдая, пели:
"Господний храм, мы плачем о тебе!
Ерусалим, мы о тебе рыдаем!
Мы о тебе скорбим, богоизбранный,
Богоотверженный Израиль! Слава
Минувшая, мы плачем о тебе!"
При этом пенье я упал
На землю и в молчанье плакал горько,
О прежней славе божьего народа
И о его постигшей казни помышляя.
Но мне он был уже чужой, он чужд
И всей земле был; не могло
Его ничто земное ни унижить,
Ни возвеличить: он, народ избранный

Народ отверженный от бога был;
На нем лежит печать благословенья — он
Запечатлен проклятия печатью;
В упорной слепоте еще он ждет
Того, что уж свершилось и вновь
Не совершится: он в своем безумстве
Не верует тому, что существует
Им столь желанное и им самим
Отвергнутое благо; и его
Надежда ложь, его без смысла вера.
От плачущих я тихо удалился
И, с трепетом меж камней пробираясь,
Не узнавал следов Ерусалима.
Но вдруг невольно я оцепенел:
Перед собой увидел я остаток
Стены с ступенями пред уцелевшей
И настезь отверенной дверью. В ней
Сидел шакал. Он, злобными глазами
Сверкнувши на меня, как демон, скрылся
В развалинах. То был мой прежний дом,
И я стоял пред дверью роковой,
Свидетелем гибели моей;
И мне в глаза то место, где тогда
Измученный остановился он,
Чтоб отдохнуть у двери, от которой
Безжалостной рукою оттолкнул
Спасителя, пятном кровавым страшно
Блеснуло. Я упал, лицом прикикнув
К земле, к которой некогда нога

Святая прикоснулась; и слезами
Я обливал ее; и в этот миг
Почудилось мне, что он, каким
Его тогда я видел, мимо в прахе
Лежавшей головы моей прошел
Благословляющий... Я поднялся.
И в этот миг мне показалось, будто
Передо мной по улице тянулся
Тот страшный ход, в котором нес свой крест
Он, бешеным ругаемый народом.
Вслед за крестом я побежал; но скоро
Передо мной видение исчезло,
И я себя увидел у подошвы
Голгофы. Отделясь от черной груди
Развалин, зеленью благоуханной
Весны одетая, в сиянье солнца,
Сходящего на запад, мне она
Торжественно предстала, как зажженный
Пред богом жертвенник. И долго-долго
Я на нее смотрел в оцепененье.
О, как она в величии спокойном,
Уединенная, там возвышалась;
Как было все кругом нее безмолвно;
Как миротворно солнце нисходило
С небес, на всю окрестность наводя
Вечерний тихий блеск; как был ужасен
Разрушенный Ерусалим в виду
Благоухающей Голгофы! Долго
Я не дерзал моею оскверненной

Ногой к ее святыне прикоснуться.
Когда ж взошел на высоту ее,
О, как мое затрепетало сердце!
Моим глазам трех рытвин след явился,
Полузаглаженный, на месте, где
Три были некогда водружены
Креста. И перед ним простершись в прах,
Я горькими слезами долго плакал;
Но в этот миг раскаянья терзанье —
И благодарностью, невыразимой
Словами человеческими, было.
Казалось мне, что крест еще стоял
Над головой моей; что я, его
Обняв, к нему всей грудью прижимался,
Как блудный сын, коленопреклоненный,
К ногам отца, готового простить.
Дни праздника провел я одиноко
На высоте Голгофы в покаянье,
Один, отвсюду разрушеньем страшным
Земных величий и всего, что было
Моим житейским благом, окруженный.
Между обломками Ерусалима
Пробравшись и перешед Кедрон,
Достигнул я по скату Элеонской
Горы до Гефсиманских густотенных
Олив. Там, сокрушенный, долго я
Во прахе горько плакал, помышляя
О тех словах, которые он здесь —
Он, сильным бог, как человек, последних

С страданием лишенный сил — в смертельной
Тоске здесь произнес на поученье
И на подпору всем земным страдальцам.
Его божественной я не дерзнул
Молитвы повторить; моим устам
Дать выразить ее святыню я
Достоин не был. Но какое слово
Изобразит очарованье ночи,
Под сенью Гефсиманских маслин мною
В молчании всемирном проведенной!
Когда взошел на верх я Элеоиской
Горы, с которой, вес свершив земное,
Сын человеческий на небеса
Вознеся, предо мной явилось солнце
В неизреченном блеске на востоке;
Зажглась горы вершина; тонкий пар
Еще над сенью маслин Гефсиманских
Лежал; но вдалеке уже горела
В сиянье утреннем Голгофа. Черным
Остовом посреди их, весь еще
Покрытый тению от Элеонской
Горы, лежал Ерусалим, как будто
Сиянья воскресительного ждущий.
В последний раз с святой горы взглянул я
На град Израилев, на сокрушенный
Ерусалим; еще в его обломках
Я видел труп с знакомыми чертами,
Но скоро он и в признаках своих
Был должен умереть. Была готова

Рука, чтоб разбросать его обломки;
Был плуг готов, чтоб запахать то место,
Где некогда стоял Ерусалим;
На гробе прежнего другой был должен
Воздвигнуться, несокрушимо твердый
Одной Голгофою и вовсе чуждый
Израилю бездомному, как я.
На горькое скитанье по земле
Приговоренному до нисхожденья
От неба нового Ерусалима.

Благословив на вечную разлуку
Господний град, я от него пошел,
И с той поры я странствую. Но слушай:
Мой жребий все остался тот же, страшный,
Каким он в первое мгновенье пал
На голову преступную мою.
Как прежде, я не умирать и вечно
Скитаться здесь приговорен; всем людям
Чужой, вселяющий в сердца их ужас,
Иль отвращение, или презренье;
Нужды житейские терпящий: голод, жажду.
И зной, и непогоду; подаяньем
Питаться принужденный, принимая
С стыдом и скорбию, что первый встречный
С пренебреженьем мне обидным бросит.
Мне самому нет смерти, для людей же
Я мертвый: мне ни жизнь мою утратить,

Ни беззатратной жизнью дорожить
Не можно; ниоткуда мне опасность
Не угрожает на земле: разбойник
Меня зарезать не посмеет; зверь,
И голодом яримый, повстречавшись
Со мною, в страхе убежит; не схватит
Меня земля разинутой своею
В землетрясенье пастью; не задушит
Меня гора своим обвалом: море
В своих волнах не даст мне захлебнуться.
Все, все мои безумные попытки
Жизнь уничтожить были безуспешны:
Самоубийство недоступно мне;
Не смерть, а не убийственную с смертью
Борьбу напрасно мучимому телу
Могу я дать бесплодными своими
Порывами на самоистребленье:
А душу из темницы тела я
Не властен вырвать: вновь оно,
В куски изорванное, воскресает.
Так я скитаюсь, и нет, ты скажешь,
Страшней моей судьбы. Но ведай: если
Моя судьба не изменилась, сам я
Уже не тот, каким был в то мгновенье,
Когда проклятье пало на меня,
Когда, своей вины не признавая,
Свирепо сам я проклинал того,
Кто приговор против меня изрек.
Я проклинал; я бешено борюсь

С неодолимой силою дерзал.
О, я теперь иной!.. Тот, за меня
Поднятый к небу, мученика взгляд
И благодать, словами Богослова
В меня влияющая, переродили
Озлобленность моей ожесточенной
Души в смирение, и на Голгофе
Постигнул я все благо казни, им
Произнесенной надо мной, как мнилось
Безумцу мне, в непримиримом гневѣ.
О, он в тот миг, когда я им ругался,
Меня казнил, как бог: меня спасал
Погибелью моей, и мне изрек
В своем проклятии благословенье.
Каким путем его рука меня,
Бежавшего в то время от Голгофы,
Где крест еще его дымился кровью,
Обратно привела к ее подошве!
Какое дал мне воспитанье он
В училище страданий несказанных
И как цена, которую купил я
Сокровище, им избранное мне,
Пред купленным неоценимым благом —
Ничтожна! Так, перерожденный, новый,
Пошел я от Голгофы, произвольно,
С благодарением, взяв на плеча
Весь груз моей судьбы и сокрушенно
Моей вины всю глубину измерив.
О, благодать смирения! о, сладость

Целительной раскаянья печали
У ног спасителя! Какою новой
Наполнился я жизнью; какой
Во мне и вокруг меня иной открылся
Великий мир, когда, себя низвергнув
Смиреньем в прах и уничтожив
Все обаяния, все упования
Земные, я бунтующую волю
Свою убил пред алтарем господним,
Когда один с раскаянной виною
Перед моим спасителем остался!
Блажен стократ, кто верует, не видев
Очами, а смиренной волей разум
Святыне откровенья покоряя!
Очами видел я: но вере долго
Не отворяла дверь моей души
Бунтующая воля. Наконец,
Когда я, всю мою вину постигнув,
Раскаяньем терзаемый, был брошен
К ногам обруганного мною бога,
Моей судьбы исчезла безотрадность;
Все изменилось. Тот, кого безумно
Я отрицал, моим в пустыне жизни
Сопутником, подпорой, другом, все
Земное заменившим, все земное
Забвению предавшим, стал;
За ним, как за отцом дитя, пошел я,
Исполненный глубоким сокрушеньем,
Которое, мою пронзая душу,

К нему ее глубокую любовь
Питало, как елей питает пламя
В лампаде храма. И мою в нею
Я веру всюю силою любил,
Как утопающий ту доску любит.
Которая в волнах его спасает
Но этот мир достался мне не вдруг
Мертвец между живыми, навсегда
К позорному прикованный столбу
Перед толпой ругательной колодник,
Я часто был тоскою одолеваем;
Тогда роптанье с уст моих срывалось;
Но каждый раз, когда такой порыв
Души, обиженной презреньем горьким
Людей, любимых ею безответно,
Меня крушил, мне явственней являлось
Чудовище моей вины, меня
Пожрать грозящее, и с обновленной
Покорностью сильней я прижимался
К окровавленному кресту Голгофы.
И наконец, по долгой, несказанной
Борьбе с неукротимым сердцем, после
Несчетных переходов от падений,
Ввергающих в отчаянье, к победам
Вновь воскрешающим, по многих, в крепкий
Металл кующих душу, испытаньях,
Я начал чувствовать в себе тот мир.
Который, всю объемля душу, в ней
Покорного терпенья тишину

Неизглаголанную водворяет.

С тех пор во мне смирилось все. Что
Желать? О чем жалеть? Чего страшиться?
Надеждами? Зачем скорбеть, встречая
Презрение иль злобу от людей?

Я с ним, он мой, он все, в нем все, им все;
Все от него, все одному ему.

Такое для меня знаменованье
Теперь прияла жизнь. Я казнь мою
Всем сердцем возлюбил: она мое
Души хранитель. И с людьми, меня
Отвергшими, я примирился, в сердце
Божественное поминая слово:

"Отец! прости им; что творят, не знают!"

Меж ними ближнего я не имею,

Но сердце к ним исполнено любовью.

И знай, пространства нет здесь для меня

— Так соизволил бог! — в одно мгновенье

Могу туда переноситься я,

Куда любовь меня пошлет на помощь;

На помощь — но не делом — словом, что

Могу я сделать для людей? не словом

Бродяги — нет, могущественным словом

Утехи, сострадания, надежды,

Иль укоризны, иль остереженья.

Хотя мне на любовь всегда один

Ответ: ругательство или презренье;

Но для меня в ответе нужды нет.

Мне места нет ни в чьем семействе; я

Не радуюся ничьему рождению,
И никого родного у меня
Не похищает смерть. Все поколения,
Одно вслед за другим, уходят в землю:
Я ни с одним из них не разлучаюсь,
И их отбытие мне незаметно.
Любовью к людям безнаградной — я
Любовь к спасителю, любовь к царю
Любви, к ее источнику, к ее
Подателю питаю. И с тех пор,
Как этот мир любви в меня проникнул,
Моя любовь к ним есть любовь к тому.
Кто первый возлюбил меня: любовь.
Которая не ищет своего,
Не превозносится, не мыслит зла,
Не знает зависти, не веселится
Неправдою, не мстит, не осуждает:
Но милосердствует, но веру имлет,
Всему, смиряется и долго терпит.
Такой любовью я близок к людям,
Хотя и розно с ними несказанной
Моею участью; в веселья их
Семейств, в народные пиры их
Я не мешаюся: но есть одно,
Что к ним меня заводит: это смерть,
Давно утраченное мною благо,
Без ропота на горькую утрату,
Я в круг людей вхожу, чтоб смертью
В ее земных явлениях насладиться.

Когда я вижу старика в последней
Борьбе с кончиною, с крестом в руках,
Сначала дышащего тяжело, вдруг
Бледного и миротворным сном
Заснувшего, и вокруг его постели
Стоит в молчании семья, и очи
Ему рука родная закрывает;
Когда я вижу бледного младенца,
Возвышенного в ангелы небес
Прикосновением безмолвной смерти;
Когда расцветшую невесту, дочь,
Похищенную вдруг у всех житейских
Случайностей хранительную смертью,
Отец и мать кладут во гроб; когда
В тюремном мраке сладко засыпает
Последним сном измученный колодник;
Когда на поле боя, перестав
Терзаться в судорогах смертных, трупы
Окостенелые лежат спокойно —
Все эти зрелища в меня вливают
Тоску глубокую; она меня,
Как устарелого скитальца память
О стороне, где он родился, где
Провел молодые дни, где был богат
Надеждами, томит; и слезы лью
Из глаз, и я завидую счастливым,
Сокровище неопенимой смерти,
Его не зная, сохранившим. Есть
Еще одно великое мгновенье.

Когда я в круг людей, как их родной,
Как соискуиленный их брат, вступаю:
С смирением презренье их приемля,
Как очистительное наказание
Моей вины, я к тайне причащенья
Со страхом Божиим и верой сердцем
Единым с ними приступаю. В час,
Когда небесные незримо силы
Пред Божиим престолом в храме служат,
И херувимов братство христиан
Шестокрылатых тайно образует,
И, всякое земное попеченье
Забыв, доносимого чинами
Небесными паря царей подымлет,
В великий час, когда на всех концах
Создания в одну сливает душу
Всех христиан таинственная жертва,
Когда живые все — и царь, и нищий,
И счастливый, и скорбный, и свободный.
И узник, и все мертвые в могилах,
И в небесах святые, и пред Богом
Все ангелы и херувимы, в братство
Единое совокупляся, чаще
Спасенья предстоят — о, в этот час
Я людям брат, моя судьба забыта,
Ни прошлого, ни будущего нет,
Все предо мной земное исчезает,
Я чувствую блаженное одно
Всего себя уничтоженьем в Божьем

Присутствии неизреченном.
О, что б я был без этой казни, всю
Мою пересоздавшей душу? Злобным
И нераскаянным богоубийцей
Сошел бы в землю... А потом? Теперь же...
О, будьте вы навек благословенны,
Уста, изрекшие мой приговор!
О ты, лицо, под тернами венца
Облитое струями крови, ты,
Печальный, на меня поднятый взор,
Ты, голос, сладостный и в изречение
Преступнику суда — вас навсегда
Раскаянье хранит в моей душе;
Оно вас в ней своею мукой в веру,
Надежду и любовь преобратило.
Разрушив все, чем драгоценна жизнь,
И осудив меня не умирать,
Он дал в замену мне себя. За ним
Иду я через мир уединенным
Путем, чужой всему, но в круг меня
Кипит, тревожит, радует, волнует,
Томит сомнением, терзает жаждой
Корорысти, сладострастья, славы, власти.
Что нужно мне? На голод — корка хлеба,
Ночлег — на непогоду, ветхий плат —
На покровенье наготы; во всем
Ином я независим от людей
И мира. На потребу мне одно:
Покорность и пред господом всей воли

Уничтожение. О, сколько силы,
Какая сладость в этом слове сердца:
"Твое, а не мое да будет!" В нем
Вся человеческая жизнь; в нем наша
Свобода, наша мудрость, наши все
Надежды; с ним нет страха, нет забот
О будущем, сомнений, колебаний;
Им все нам ясно; случай исчезает
Из нашей жизни; мы своей судьбы
Властители, понеже власть тому
Над нею предали смиренно, кто
Один всемогущ, все за нас, для нас
И нами строит, нам во благо. Мир,
В котором я живу, который вам,
Слепым невольникам земного, должен
Казаться дикою пустыней — нет,
Он не пустыня с той поры, как я
Был силою всевышнюю постигнут
И, уничтоженный, пред нею пал
Во прах, она передо мною вся
В творении господнем отразилась
Мир человеческий исчез, как призрак,
Перед господнею природой, в ней
Все выше сделалось размером, все
Прияло высшее знаменованье.
О, этот мир презрительным житейским
Заботам недоступен; он безверью
Ужасен; но тому, кто сердцем весь
Раскаянья сосуд испил до дна

И, бога угадав страданием, в руки
К нему из сокрушительных когтей
Отчаяния убежал, тому
Природа — врач, великая беседа
Господняя, развернутая книга,
Где буква каждая благовестит
Его Евангелие. Нет, о нет,
Для выраженья той природы чудной,
Которой я, истерзанный, на грудь
Упал, которая лекарство мне
Всегда целящее дает — я слов
Не знаю. Небо голубое, утро
Безмолвное в пустыне, свет вечерний.
В последнем облаке летящий с неба,
Собор светил во глубине небес,
Глубокое молчанье леса, моря
Необозримость тихая или голос
Невыразимый в бурю; гор — потопа
Свидетелей — громады; беспредельных
Степей песчаных зыбь и зной; кипенья,
Блистанья, рев и грохот водопадов...
О, как могу изобразить творенья
Все обаяние. Среди господней
Природы я наполнен чудным чувством
Уединения, в неизреченном
Его присутствии, и чудеса
Его создания в моей душе
Блаженною становятся молитвой;
Молитвой — но не призываньем в час

Страдания на помощь, не прощаньем,
Не выраженьем страха иль надежды
А смирным, бессловесным предстояньем
И сладостным глубоким постиженьем
Его величия, его святости,
И благодати, и беспредельной власти,
И сладостной сыновности моей,
И моего пред ним уничтоженья:
Невыразимый вздох, в котором вся
Душа к нему, горящая, стремится —
Такою пред его природой чудной
Становится моя молитва. С нею
Сливается нередко вдохновенье
Поэзии; поэзия — земная
Сестра небесных молитв, голос
Создателя, из глубины созданья
К нам исходящий чистым отголоском
В гармонии восторженного слова.
Величием природы вдохновенный,
Непроизвольно я пою — и мне
В моем уединеньи, полном бога,
Создание внимает посреди
Своих лесов густых, своих громадных
Утесов и пустынь необозримых,
И с высоты своих холмов зеленых,
С которых видны золотые нивы,
Веселые селенья людей,
И все движенье жизни скоротечной.

Так странствую я по земле, в глазах
Людей проклятый богом, никакому
Земному благу непричастный, злобный,
Все ненавидящий скиталец. Тайны
Моей они не постигают; путь мой
Их взорам не открыт: по высотам
Создания идет он, там, где я
Лишь небеса господние святые
Над головою вижу, а внизу,
Далеко под ногами, весь смятенный
Мир человеческий. И с высоты
Моей, с ним не делясь его судьбой,
Я, всю ее одним объемля взором,
В ее волнениях и измененьях,
Как в неизменной стройности природы,
Я вижу, слышу, чувствую лишь бога.
Из глубины уединенья, где
Он мой единый собеседник, мне
Его пути среди разнообразных
Судеб земных видней. И уж второе
Тысячелетие к концу подходит
С тех пор, как по земле я одинокой
Дорогой странствую: и в этот путь
Пошел я с той границы, на которой
Мир древний кончился, где на его
Могиле колыбель свою поставил
Новорожденный мир. За сей границей,
Как великанские, сквозь тонкий сумрак

Рассвета, смутно зримые громады
Снежноголовых гор, стоят минувших
Веков видения: остовы древних
Империй, как слои в огромном теле
Гор первобытных, слитые в одно
Великого минувшего создание...

Совратные египетские Фивы
С обломками неизмеримых храмов.
Остатки насыпей и земляных
Курганов там, где были Вавилон
И Ниневия, пепел Персеполя —
Давнишнего природы обожанья
Свидетели — являются там в мертвом
Величии. И посреди сих, в ужас
Ввергающих, Востока великанов,
Меж лаврами душистыми лежат
Развалины Эллады, красотою,
Поэзией, искусством и земною
Блестящей мудростью и наслаждением
Роскошества чаруя землю. Быстро
Времен в потоке скрылася она;
Но на ее гробнице веет гений
Неумирающий. Там, наконец,
В одну столпясь великую громаду,
И храмы Греции, и пирамиды
Египта, и сокровища Востока,
И древний весь дохристианский Запад,

Могучий Рим их груди обратил
В одну, ему подвластную могилу,
С пригорка, где немного жизни было,
Наименованный когда-то Римом,
Сам из себя он внутреннею силой
Медлительно, в течение веков,
Зерно к зерну могущества земного
Неутомимо прибавляя, вырос.
Он грозно, наконец, свое миродержавство,
Между народами рабов один
Свободный, как великий монумент
Надгробный им разрушенных держав,
Воздвигнул. Этот Рим, в то время,
Когда меня моя судьба постигла,
Принесши все Молоху государство
На жертву и все частные земные
Разрушив блага, чтоб на них построить
Публичного безжизненного блага
Темницу, — этот Рим, в то время

Владыка всех, рабом был одного,
И вся вселенная на разграбленье
Была ругательное предана
Лишь только для того, чтоб кесарь мог
Роскошничать в палатах золотых,
Чтоб чернь всегда имела хлеб и игры...
А между тем в ничтожном Вифлееме
Был в ясли положен младенец...

Рим

О нем не ведал. Но когда он был
На крест позорный вознесен, судьбины
Мировластительства его ударил час,
И в то же время был разбит и брошен
Живого бога избранный сосуд —
Израиль. Пал Ерусалим. Его
Святилище покинув, — откровенье
Всеми явилось миру, и великий
Спор начался тогда меж князем мира
И царством Божиим. Один скитаясь я
Между земными племенами,
Очами мог следить неизменяемый
Господний путь сквозь все их измененья...
Терзая мучеников, Рим их кровью
Христову пашню для всемирной жатвы
И для своей гибели удобрил.
И возросла она..."